

«О А. Л. Яншине уже вышло несколько прекрасных книг, — пишет Оноприенко. «Особенность предлагаемой работы — анализ его творчества, культурологическая оценка его личности и ее места в российском научном сообществе». Нам кажется, что автор справился с поставленной задачей и даже несколько превзошел ее: в его книге история жизни Яншина разворачивается на широком фоне развития геологии, наук о Земле не только в нашей стране, но и в мире. Как нам кажется, познакомиться с

ней будет интересно не только геологам и историкам науки, но всем, кому небезразлична история так еще недалеко ушедшего от нас XX в.

Остается добавить только, что в качестве приложения в книге помещены «Хронология жизни и деятельности А. Л. Яншина», библиография трудов Александра Леонидовича, а также список работ, посвященных ему. Также книга иллюстрирована фотографиями из личного архива ученого.

*О. А. Валькова*

**«Земледелие — благородное поприще». К 100-летию со дня основания Ульяновского научно-исследовательского института сельского хозяйства / Авт.-сост. В. А. Гуркин. Ульяновск: ОАО «Областная типография «Печатный двор»», 2010. 296 с.**

Историки агрономии привыкли сетовать на немногочисленность своего сообщества и, как следствие, на недостаток исторических исследований аграрной сферы России. Один из жанров, пополняющих историографию, — юбилейные публикации. Именно к нему относится работа, представляющая читателю 100-летнюю историю одного из старейших сельскохозяйственных опытных учреждений страны. Ульяновский научно-исследовательский институт сельского хозяйства — сегодня крупнейший центр аграрной науки Среднего Поволжья — когда-то начинался с уездных опытных полей и губернских станций, заложенных энтузиастами-земцами и местными общественными деятелями. Переживая эпохи военных реквизиций, революционных потрясений, советских реконструкций, эти учреждения во все времена оставались важной научной опорой земледелия Симбирского края — одной из житниц России.

Автор-составитель труда В. А. Гуркин отказался от традиционного для юбилейной публикации описания пути института от начальных «трудностей роста» до финальных «блестящих достижений». Достоинством работы является комплексный подход к рассмотрению истории учреждения. Прежде всего показаны условия и предпосылки возникновения института, в том числе охарактеризованы усилия общественных организаций, местного самоуправления и после-революционных органов власти по созданию и трансформации составивших его станций и полей. Далее институциональная и научная стороны становления учреждения рассмотрены на фоне «истории людей». Не ограничиваясь характеристикой практической деятельности института на разных этапах, Гуркин показал повседневную жизнь сотрудников с трудовыми вахтами, частными трудностями и радостями, неизбежным, часто трагическим взаимодействием с

местными и центральными органами власти. Немаловажно, что эта жизнь действительно показана: книга снабжена прекрасными фотографиями участников событий, самые ранние из которых относятся к 1910 г.

Хорошее впечатление производит источниковая база работы. Автором был выявлен и изучен большой массив архивных документов, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Это главным образом материалы региональных архивохранилищ, что представляется особенно важным для детальной реконструкции истории местного опытного учреждения. Некоторые особенно значимые документы приведены в качестве приложений к книге; значительное число других достаточно полно цитируется в тексте.

Первая глава книги посвящена предыстории агрономической опытной работы на территории Симбирского Поволжья. Ее истоки прослежены от экспедиций Петербургской академии наук и Вольного экономического общества конца XVIII в. (хозяйственное описание наместничеств и уездов) до опытной программы губернского сельскохозяйственного общества (середина XIX в.). Вспомним, что территория Симбирской губернии, а именно экономия князя Н. Н. Ухтомского, стала одной из площадок при проведении Д. И. Менделеевым опытов по изучению влияния минеральных удобрений на урожай. В приложении к книге публикуется «отчет по опытам 1867 г. наблюдателя К. А. Тимирязева», будущего выдающегося физиолога растений, который отвечал за реализацию региональной программы.

Великий голод, последовавший за неурожаем 1891–1892 гг., всколыхнул сельскохозяйственную Россию.

В ведомстве земледелия, наконец, началась, хотя и крайне трудно, реализация проекта государственной сети опытных учреждений. На местах за дело взялась общественность. Как показано в следующих главах, в Симбирской губернии за основанием опытных учреждений стояли местное сельскохозяйственное общество и земство. Однако только в 1905 г. удалось утвердить проект губернской опытной станции; из-за революционных событий ее открытие состоялось лишь в 1909 г. Годом позже датируется создание опытного поля Симбирского уездного земства близ с. Нового Уреня. В создании этих учреждений, как установил Гуркин, велика роль Н. Ф. Смельчакова, работавшего тогда на одной из первых государственных опытных станций – Безенчукской, в соседней Самарской губернии. Жизнеописанием этого замечательного ученого, выпускника знаменитого Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства, всю жизнь посвятившего организации, а впоследствии и прямой защите от уничтожения опытных учреждений края, открывается галерея биографических очерков о главных сотрудниках института.

В книге подробно изложены и проанализированы первые научно-исследовательские программы Симбирского опытного поля на фоне его основной задачи, состоявшей в выработке приемов борьбы с неблагоприятным воздействием климата, главным образом с засухой.

Первая мировая война и революция стали для только набирающего силу учреждения разрушительным периодом. Призыв в ряды армии научного персонала, реквизиция лошадей, захват семенного материала и хлебных запасов революционными крестья-

нами надолго затормозили научную работу. Казалось, положение должно кардинально измениться после перевода поля в ведение Наркомзема, что произошло в 1918 г. со всеми опытными учреждениями страны разной подчиненности. Действительно, Ново-Уренское опытное поле (земский статус и прежнее название которого были утрачены вместе с упразднением земств) постепенно возвращалось в привычный рабочий режим. Этому немало способствовало назначение заведующим молодого инициативного агронома, недавнего выпускника той же Новой Александрии П. И. Подгорного. Несмотря на недостаток финансирования и рабочих рук, новые реквизиции лошадей для Красной армии, под его руководством и в основном его руками, так как в штате было всего 3 научных сотрудника, на теперь уже Ново-Уренской опытной станции удалось выполнить важные циклы работ в области агротехники и сортоиспытания главнейших для региона культур (озимая и яровая пшеница, овес, полба, ячмень, кукуруза и др.).

Однако 1923 г. принес тревожное известие: в связи с проводимой Наркомземом реформой и сокращением опытной сети станция, как и многие другие опытные учреждения губернии, была снята с госснабжения и передана на баланс местных органов. Как часто оказывалось в подобных случаях, местные власти фактически отказали станции в финансировании. Агрономической работе был нанесен огромный урон. Например, ценный семенной материал яровой пшеницы и подсолнуха пришлось распродать, чтобы покрыть расходы на зарплату сотрудникам, на покупку дров и т. д. Научная жизнь на станции замерла, Подгорный вынужден

был уволиться. Лишь в конце 1924 г. усилиями местной агрономической общественности удалось добиться включения финансирования станции в местный бюджет. Новым заведующим стал М. И. Тюрников, который смог увеличить штат станции и вернуть серьезную научную работу, в том числе создать многочисленные отделы – селекции, полеводства (впоследствии агротехники), агрохимии, борьбы с вредителями, экономики. Гуркин называет установленную им по архивным документам причину такого «благоденствия»: умелое привлечение руководством внебюджетных средств от выполнения дополнительных заданий для организаций вне системы Наркомзема.

В книге приведены выдержки из отчетов руководителей отделов за разные периоды 1920-х гг., которые позволяют составить представление о череде повседневных занятий и смене программ станции. Так, в 1925 г. работа селекционного отдела «меняет свое направление с коллекционирования в сторону интереса к чистотинейному материалу», т. е. собственно селекционной деятельности. К работе подключаются крестьяне-опытники, которые на своих наделах занимались «проверкой изучаемых на станции сортов» в разнообразных почвенно-хозяйственных условиях губернии. Перечисляются трудности селекционного процесса; к ним неожиданно добавляются «небиотические» факторы: хулиганские выходки местных жителей, которые срывали изоляторы с колосьев, выдергивали колышки и вешки, травили опытные делянки своим скотом.

Годы «большого перелома» в сельском хозяйстве (1931–1941) принесли станции большие перемены. Среди них были и позитивные: выведение

новых сортов в соответствии с государственным курсом на приоритетное развитие селекции стало главным направлением работы учреждения. Штат селекционеров расширился; в частности, в этот период в селекционном отделе начинал свою научную деятельность будущий академик ВАСХНИЛ и АН СССР В. Н. Ремесло. Однако станцию не обошли и репрессии 1937 г., и не менее драматичные последствия «взлета» Т. Д. Лысенко.

Крайне интересны приводимые Гуркиным материалы по проверке на Ново-Уренской станции в конце 1930-х гг. некоторых тезисов теории яровизации Лысенко, в частности, о влиянии длительности яровизации на зимостойкость растения. Проводились детальные опыты по сравнению выживаемости яровизированных и неяровизированных семян различных культур при разном времени яровизации. В книге опубликованы сохранившиеся отчеты сотрудников станции, в которых фиксировались бесполезность, а иногда и отрицательный эффект яровизации. Так, о результатах испытания озимой ржи Лисицынской № 11 читаем: «К началу уборки у данного сорта при сроке яровизации 60 дней не сохранилось ни одного растения...», яровая пшеница сорта Цезиум 111 «на яровизацию реагирует в слабой степени и даже дает отрицательный результат». Одна из замечательных фотографий, иллюстрирующих этот период, – рабочий момент яровизации яровой пшеницы на станции в 1938 г. Восемь человек с лопатами переворачивают увлажненные горы зерна; явно это далеко не все участники яровизации, только те, кто попал в кадр... (в скобках заметим, что глядя на эту фотографию можно только предполагать, каковы

оказались общие затраты на яровизацию – людских ресурсов, финансов).

Гуркин упоминает и другую «навязанную» (в том числе усилиями Лысенко) станции тематику – работы с кок-сагызом<sup>1</sup>, из которых также ничего не вышло: растение не было приспособлено для выращивания в средней полосе.

Военные испытания, гибель на фронте многих сотрудников, самоотверженная работа по преодолению послевоенного продовольственного кризиса, выведение ряда ценных сортов (в том числе озимой пшеницы Ульяновка, проса Ново-Уренское 241), вынужденная перестройка работы станции в соответствии с установками сессии ВАСХНИЛ 1948 г. (переход в селекции к внутрисортной гибридизации и «перевоспитанию» гибридов, внедрение «комплекса Докучаева – Вильямса с его травопольными севооборотами, полезащитными лесными полосами»), попытки на практике противостоять «инновациям» – итог следующего десятилетия жизни станции.

В главе «В борьбе за высокие урожаи» (1950–1962) документально прослежена история жизни учреждения в позднесталинскую эпоху с ее директивами «повышения урожайности всех сельскохозяйственных культур». Коллектив станции сосредоточил усилия на выведении новых сортов озимой пшеницы (получен сорт Новоуренка, включенный в госсортоиспытание), превосходящей по урожайности яровую. Не обошлось и без лысенковских «деректив»: станция вынуждена была испытывать ветвистую пшеницу, с помощью которой народный академик намеревался

---

<sup>1</sup> Каучуконосное растение, из сока которого изготавливали каучук.

достичь прорыва в урожайности. Но агроном З. П. Калачева, которой были поручены испытания, отчиталась о более чем скромных результатах. Это послужило основанием для специального заседания, на котором руководство станции выразило понятную обеспокоенность: «Что-то неблагоприятно у нас в отношении ветвистой пшеницы». Отметим еще раз одну чрезвычайно важную и отрадную сторону рецензируемого исследования – его глубокую наполненность архивными документами. Именно на документальные заключения о несостоятельности тезиса о высокой урожайности ветвистой пшеницы ссылается Гуркин при изложении результатов верификационных экспериментов. Как нам представляется, именно такого рода историко-научные исследования могут поставить финальную точку в вопросе о лысенковских «инновациях», который сегодня опять выносится на повестку дня некоторыми историками науки и практиками-аграрниками.

Хрущевская эпоха с ее непредсказуемыми поворотами от увеличения удельного веса кукурузы (практически неизвестной в Центральной России) до укрупнения хозяйств (что вылилось в переход станции под эгиду Ульяновского сельхозинститута, учреждения учебного, мало мотивированного на развитие опытной работы) значительно осложнила селекционные исследования, снизила их результативность.

«Новое возрождение станции» (так называется следующая глава), которое Гуркин относит к 1962–1975 гг., связано с приходом директора Г. П. Куликова, увеличением финансирования станции и как следствие расширением исследовательских программ. В частности, в

эти годы станция получила ценные сорта пшеницы Чайка, Волжанка, Венец, Свяга, Ульяновка 3. Важные результаты были достигнуты в области агротехники (методы вспашки, занятые пары, сроки сева, химические средства борьбы с сорняками и т.д.), агрохимии (способы внесения удобрений), полезного лесоразведения, борьбы с эрозией и др. Занявший в 1975 г. директорское кресло Н. С. Немцев, будущий академик и лауреат Государственной премии, продолжил поступательное развитие учреждения, как в сфере исследований, так и в отношении «значительного улучшения поселковой жизни». Под его началом в 1989 г. станция получила статус института.

Заключительный раздел книги отведен сегодняшнему дню Ульяновского НИИ сельского хозяйства: здесь представлены описания работы отделов, которые проиллюстрированы графиками, таблицами и яркими фотографическими материалами: портретной галереей сотрудников, их групповыми снимками по отделам и лабораториям, зафиксированными рабочими моментами.

Главная задача, которую успешно решает автор, – не только охарактеризовать работу учреждения на разных фазах его развития и сменны научно-практических проектов, но показать повседневную жизнь людей провинциальной науки: агрономов-опытников, практикантов, технического персонала и др. Это стало возможным благодаря тому, что слово предоставили в том числе множеству ушедших на заслуженный отдых сотрудников учреждения – от именитых ученых до простых рабочих. В мемуарных эссе и очерках они вспоминают времена своей молодости, своих старших товарищей, свои

повседневные обязанности – очень разные по степени научной значимости. Иными словами, каждый рисует свою особую картинку бытия опытного учреждения в определенном временном интервале; все вместе

они складываются в выразительную панораму жизни Ульяновского научно-исследовательского института сельского хозяйства на протяжении многих десятилетий.

*О. Ю. Елина*

**Онопrienко В. И. Наука как призвание. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2011. 411 с.**

В прошедшие два-три десятилетия отношение к науке вообще и со стороны СМИ в частности сильно изменилось. При советской власти ученые очень многое определяли в жизни страны, вызывали уважение. Вспомним достижения в атомной энергетике, в космонавтике. Как славил тогда ученых-физиков. А сегодня такого не услышишь. Единственная значимая научно-популярная передача на центральном телевидении, которую долгие годы создавал С. П. Капица, прекратила свое существование с уходом ее создателя. О современном положении интеллигенции в обществе как-то очень точно сказал режиссер С. В. Урсуляк: «Интеллигенция является самой невостребованной частью общества [...] хотя продолжает оставаться совестью нации [...] Совесть – она сегодня как аппендикс, если не болит – пусть будет, заболел – нужно вырезать». Возможно, именно из-за этого я прочитала книгу В. И. Оноприенко с особыми удовольствиями и гордостью. Он пишет об энтузиастах науки, посвятивших жизнь научным исследованиям, поискам нового.

Сам Валентин Иванович – геолог по образованию. По окончании геологического факультета МГУ он много занимался научными исследованиями: участвовал в экспедициях в Карелии, Сибири, на Дальнем Вос-

токе. Однако с годами его интересы поменялись – сначала философия, потом история науки и науковедение. В серии «Научно-биографическая литература» Оноприенко опубликовал более десяти книг об известных ученых нашей страны. Настоящая книга «Наука как призвание» составлена в форме беседы с заслуженными российскими и украинскими учеными, ведущими исследования в разных областях науки: геологами, физиками, биологами, философами. Чаще всего автор обращается к историкам науки, социологам, в основном к тем, с которыми знаком, за работами которых постоянно следит. Каждому из них были заданы вопросы о том, как он (она) пришел в науку, кто (или что) повлиял на такое решение, какие из первых исследований позволили обрести уверенность в правильности выбранного пути, какие наиболее важные результаты были получены. Вопросы касались учеников, публикаций, выступлений на отечественных и международных форумах, роли и влияния общественно-научной и административной деятельности на основную научную работу.

Интервьюируемые по-разному отвечали на эти вопросы: кратко и более подробно, добавляя неожиданные факты, встречающиеся в ходе работы, высказывая самостоятельные